

Ссылка для цитирования этой статьи:

Гасанова З.Г., Гираев М.А. Правовые основы развития мер принуждения в уголовном процессе России // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 9. С. 23. URL: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_9/Gasanova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-9a-25.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Гасанова Замира Гаджимурадовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация

Гираев Магомед Ахмедович,

магистрант,
Юридический институт,
Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Российская Федерация;
независимый исследователь

Аннотация. В статье анализируются теоретико-правовые основания развития мер уголовно-процессуального принуждения в России. Обосновывается необходимость рассматривать уголовно-процессуальное принуждение как целостный правовой институт, включающий систему разнородных, но взаимосвязанных мер, направленных на обеспечение публичных задач уголовного судопроизводства при одновременном сохранении высокого уровня гарантий прав личности. Исследуются дискуссионные вопросы понятия, содержания и системы мер принуждения, соотношения мер пресечения и «иных мер» процессуального принуждения, а также их места в механизме обеспечения принципов публичности, справедливости, состязательности и уважения человеческого достоинства. На основе сравнительного анализа подходов ученых правоведов предлагается авторская концепция трёхуровневой модели уголовно-процессуального принуждения (уровень принципов, система мер, индивидуальный акт принуждения), уточняется классификация мер по характеру защищаемого процессуального интереса, формулируются направления дальнейшего совершенствования правового регулирования. Проводится вывод о тенденции «обусловленной гуманизации» уголовно-процессуального принуждения, когда расширение палитры мер сочетается с усложнением механизма их судебного контроля и усилением стандартов обоснования вмешательства в сферу прав личности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры процессуального принуждения, иные меры принуждения, меры пресечения, публичность уголовного судопроизводства, права личности, судебный контроль, система мер принуждения.

Введение

Институт мер принуждения традиционно занимает центральное место в уголовном процессе. Именно через него наиболее остро проявляется противоречие между интересами публичного уголовного преследования и необходимостью уважения прав, свобод и законных интересов личности. В современной российской доктрине это противоречие осмысливается по-разному.

Наличие в УПК РФ развернутых глав о задержании, мерах пресечения и иных мерах процессуального принуждения, многочисленные изменения этих норм и устойчивый научный интерес к ним свидетельствуют о том, что речь идёт не просто о наборе отдельных процессуальных институтов, а о сложной системе уголовно-процессуального принуждения. В то же время границы и структура этой системы остаются предметом научной полемики. Так, В.А. Азаров справедливо связывает понимание феномена уголовно-процессуального принуждения с принципом публичности уголовного судопроизводства и содержанием уголовного преследования как деятельности государства, а не частного лица [10].

Цель настоящей статьи состоит в комплексном теоретико-правовом анализе развития мер принуждения в уголовном процессе России и формулировании на этой основе уточнённой модели института уголовно-процессуального принуждения, учитывающей как внутреннюю структуру системы мер, так и динамику её эволюции.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- раскрыть теоретико-правовую природу уголовно-процессуального принуждения и его отличия от иных видов государственного принуждения;
- проанализировать систему и классификацию мер уголовно-процессуального принуждения, предложенные в доктрине;
- выявить основные этапы исторического становления и трансформации мер принуждения в отечественном процессе;
- исследовать соотношение расширения палитры мер и развития механизмов правовых гарантий;
- обозначить направления совершенствования нормативной регламентации и практики применения мер принуждения.

Исследование и результаты

Общим местом научной дискуссии является признание того, что уголовно-процессуальное принуждение представляет собой форму государственного принуждения, реализуемого в специфической, процессуальной форме. Однако внутри этого понятия по-разному акцентируются его признаки.

С.Н. Оторочкин, анализируя понятие мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе, подчёркивает, что речь идёт о предусмотренных законом способах и средствах властного воздействия на участников процесса, преследующих цель обеспечения надлежащего хода производства, исполнения процессуальных обязанностей и предотвращения препятствий расследованию и рассмотрению дела [1]. А.А. Теппеев, исследуя понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды, делает акцент на функциональном назначении этих мер — обеспечении выполнения задач уголовного судопроизводства, прежде всего посредством воздействия на волю лица и ограничения отдельных его прав в строго установленных законом границах [2], [3].

Представляется, что для теоретико-правового понимания уголовно-процессуального принуждения принципиально важно соединить два аспекта:

–материально-правовой – принуждение как проявление публичной власти и императивного метода правового регулирования;

–процессуальный – принуждение как элемент формы уголовного процесса, подчинённый его целям и принципам.

Уголовно-процессуальное принуждение нельзя свести лишь к совокупности ограничительных мер: оно включает в себя и нормативную основу (систему норм УПК РФ), и властную деятельность уполномоченных органов, и возникающие при этом правоотношения между государством и участниками процесса. В этом смысле оправдано использование категории «институт принуждения в уголовном процессуальном праве», к которому обращается Д.Е. Киселёва, прослеживая его историческое становление [9].

Современная доктрина всё более отчётливо связывает уголовно-процессуальное принуждение с принципом публичности (официальности) уголовного судопроизводства. В.А. Азаров, анализируя научную полемику вокруг феномена уголовно-процессуального принуждения, предлагает рассматривать его как производное от публичного характера уголовного преследования: государство, реализуя монополию на уголовное преследование, объективно нуждается в инструментах принудительного воздействия, обеспечивающих достижение задач процесса [10].

Из этого, однако, не следует, что принуждение является первичным признаком публичной функции. Напротив, оно выступает вторичным по отношению к задачам защиты личности, общества и государства от преступлений, а также к принципам законности, справедливости, гуманизма и уважения чести и достоинства личности. Так, О.Н. Шекшуева, исследуя иные меры процессуального принуждения, обращает внимание на необходимость соразмерности вмешательства в права личности преследуемым процессуальным целям и на недопустимость подмены мер пресечения более «мягкими» мерами при фактическом достижении сходного уровня ограничения свободы [7].

В результате складывается дуалистическая модель уголовно-процессуального принуждения: с одной стороны, оно служит инструментом обеспечения публичного интереса в раскрытии преступлений и неизбежности ответственности; с другой — находится под постоянным воздействием правовых гарантий, призванных предотвратить превращение принуждения в произвольное насилие. Этот дуализм проявляется как в нормативном материале (ограничения, условия и пределы применения мер принуждения), так и в судебной практике.

УПК РФ формально закрепляет трёхзвенную структуру мер процессуального принуждения: задержание подозреваемого (глава 12), меры пресечения (глава 13) и иные меры процессуального принуждения (глава 14). В научной литературе эта конструкция по-разному интерпретируется: одни авторы видят в ней законодательно установленную систему мер, другие — лишь техническую группировку, требующую дополнительной теоретической обработки [2], [3], [11].

А.А. Теппеев, анализируя понятие и виды мер уголовно-процессуального принуждения, исходит из того, что все меры принуждения объединяет общий родовый признак — властное ограничение субъективных прав и свобод в целях обеспечения задач уголовного процесса. При этом он подчёркивает многоаспектность классификаций и допускает существование «пересекающихся» классификационных критериев [2], [3].

В свою очередь, В.В. Димитрова обращает внимание на то, что законодательная структура мер процессуального принуждения не всегда совпадает с реальной логикой их применения: задержание, меры пресечения и иные меры взаимодействуют и нередко используются в комплексе, формируя своеобразные «цепочки принуждения» в едином уголовном деле [11].

Представляется, что законодательно закреплённая триада служит лишь отправной точкой для теоретического переосмысления системы мер. Реальная же системность

проявляется в устойчивых связях между отдельными мерами, единстве их целей и общих принципов применения.

Особый вклад в развитие классификации мер уголовно-процессуального принуждения внесла Е.В. Манджиева. В одной из своих работ она показывает, что традиционные классификации нередко опираются на «смешанный» набор критериев (степень ограничения свободы, процессуальный статус лица, объект воздействия), что снижает их аналитическую ценность. В качестве альтернативы автор предлагает привязать классификацию к объекту обеспечения – тому процессуальному интересу, ради которого применяется мера [5].

Развивая этот подход, можно выделить по крайней мере три крупные группы мер:

–меры, обеспечивающие явку и участие лица в процессе (задержание, меры пресечения, обязательство о явке, привод);

–меры, обеспечивающие сохранность имущества и возможность исполнения приговора (наложение ареста на имущество, отдельные обеспечительные меры в отношении гражданского иска);

–меры, обеспечивающие надлежащее поведение участников и защиту порядка судопроизводства (денежное взыскание, временное отстранение от должности и др.).

О.В. Химичева и И.П. Бондаренко, исследуя разнообразие мер процессуального принуждения и характер гарантий прав обвиняемого при их применении, подчёркивают, что каждая группа мер требует собственной конфигурации гарантий, обусловленной спецификой вмешательства: для мер, связанных с изоляцией от общества, ключевыми выступают судебный контроль и ограничение сроков, для имущественных мер – возможность оперативного пересмотра и компенсации вреда в случае реабилитации [6].

О.Н. Шекшуева дополняет эту картину, выделяя внутри иных мер процессуального принуждения меры, затрагивающие личную свободу (обязательство о явке, привод), профессиональный статус (временное отстранение от должности) и имущественную сферу (денежное взыскание, арест на имущество), и показывает, что степень разработанности процедур применения существенно различается в зависимости от группы [7].

На основе анализа указанных подходов представляется возможным предложить уточнённую классификацию мер уголовно-процессуального принуждения по характеру защищаемого процессуального интереса:

–интерес обеспечения личной явки и доступности участника для правосудия;

–интерес сохранения имущественной основы исполнения приговора и возмещения вреда;

- интерес поддержания должного процессуального порядка и дисциплины участников;
- интерес обеспечения эффективности собирания и закрепления доказательств.

Такая классификация позволяет не только систематизировать меры, но и целенаправленно выстраивать для каждой группы дифференцированный набор гарантий.

Историко-правовой анализ показывает, что институт принуждения в уголовном процессе России формировался постепенно, в тесной связи с эволюцией модели судопроизводства. Д.Е. Киселёва, исследуя становление и развитие института принуждения в уголовном процессуальном праве, отмечает, что уже Устав уголовного судопроизводства 1864 г. знал целый ряд процессуальных мер принуждения, в том числе привод, денежное взыскание, арест имущества и отстранение от должности; при этом обязательство о явке в современном понимании ещё отсутствовало [9].

Советское уголовно-процессуальное законодательство воспринимает многие из этих институтов, но наполняет их иным идеологическим содержанием. УПК РСФСР 1922 и 1960 гг. закрепляют меры пресечения и иные меры процессуального принуждения в относительно устойчивой конфигурации, однако в условиях доминирования «классового подхода» принуждение нередко выходит за установленные законом рамки, что находит отражение в последующей реабилитационной практике и в современной доктринальной критике.

Принятие УПК РФ 2001 г. означало качественный перелом в регулировании мер уголовно-процессуального принуждения. В кодексе впервые нормативно закреплены понятия «меры процессуального принуждения» и «иные меры процессуального принуждения», структурирована система мер, введены новые меры пресечения (залога, домашнего ареста и др.), усилены механизмы судебного контроля.

Е.В. Манджиева, анализируя этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения, показывает, что законодатель последовательно расширял перечень таких мер, одновременно повышая степень формализации процедур их применения и усиливая роль суда как гаранта прав личности [4]. В её работах подчёркивается, что переход от «узкого» понимания иных мер как вспомогательных к признанию их самостоятельной подсистемы принуждения связан с общим трендом гуманизации уголовной политики и поиска альтернативы изоляционным мерам.

В исследованиях О.Н. Шекшуевой и Т.Б. Гараевой акцентируется, что расширение палитры иных мер принуждения не всегда сопровождалось достаточной разработкой критериев их выбора и механизмов контроля. В результате в практике наблюдаются случаи либо формального дублирования мер пресечения (когда «мягкая» мера фактически по объёму

ограничений приближается к более строгой), либо, напротив, декларативного закрепления мер, редко используемых на практике из-за сложностей их реализации [7], [8].

Д.Е. Киселёва справедливо указывает, что эволюция института принуждения в постсоветский период характеризуется переходом от преимущественно карательного и обвинительного понимания принуждения к более сложной модели, в которой меры принуждения воспринимаются как юридический инструмент управления процессуальным риском, а не как самоцель [9].

Одним из наиболее острых вопросов остаётся обеспечение баланса между эффективностью мер принуждения и охраной прав личности. О.В. Химичева и И.П. Бондаренко показывают, что разнообразие мер процессуального принуждения корреспондирует разнообразию гарантий: чем глубже вторжение в сферу личной свободы, тем более жёстким должен быть режим судебного контроля, требования к мотивировке и доказательственной базе [6].

Авторы подчёркивают, что наличие у законодателя широкого набора мер само по себе не гарантирует гуманизацию практики: при отсутствии чётких критериев выбора конкретной меры и эффективных механизмов обжалования возникает риск «латентной суровости», когда формально «мягкая» мера (например, обязательство о явке, сочетание с денежным взысканием) фактически сопровождается значительными по объёму ограничениями.

О.Н. Шекшуева, исследуя институт иных мер процессуального принуждения, отмечает, что многие из них характеризуются сниженным уровнем процессуальной формализации: решения принимаются в форме постановлений дознавателя или следователя, а судебный контроль зачастую опосредован и осуществляется лишь постфактум через механизм обжалования [7]. Это порождает своеобразную «вторую линию» принуждения, менее защищённую, чем меры пресечения.

Вопрос о целях применения мер принуждения — ключевой для обоснования их конституционной допустимости. А.А. Теппеев в своих работах указывает, что меры уголовно-процессуального принуждения служат обеспечению установленного порядка уголовного судопроизводства, выполнению процессуальных обязанностей, недопущению уклонения от правосудия и воспрепятствования расследованию [2], [3]. С.Н. Оторочкин, в свою очередь, акцентирует, что цели применения мер принуждения должны быть прямо выведены из задач уголовного процесса и не могут сводиться к «облегчению работы» правоохранительных органов [1].

В научной литературе обращается внимание на недостаточную конкретизацию целей отдельных мер в самом УПК. Так, в отношении некоторых иных мер принуждения цель

формулируется крайне широко («обеспечение установленного порядка производства»), что затрудняет судебный контроль соразмерности вмешательства.

Представляется, что законодательное закрепление общей цели института мер принуждения (обеспечение справедливого, эффективного и своевременного уголовного судопроизводства при наименьшем возможном вмешательстве в права личности) и более точное определение целей отдельных мер (например, обязательства о явке, денежного взыскания, отстранения от должности) способствовало бы снижению произвольности их применения.

Исследования Т.Б. Гараевой, посвящённые актуальным проблемам применения иных мер уголовно-процессуального принуждения, показывают, что судебный контроль за такими мерами остаётся фрагментарным: далеко не всегда законодатель прямо предусматривает необходимость судебного решения, а обращение в суд нередко зависит от инициативы самого участника процесса [8].

На этом фоне в доктрине постепенно формируется концепция «минимизации принуждения», предполагающая, что выбрана должна быть та мера, которая при достижении необходимых процессуальных целей в наименьшей степени затрагивает права и свободы лица. Данная идея явно прослеживается в работах как теоретического, так и прикладного характера и фактически выступает проявлением конституционного принципа соразмерности.

Практическая реализация этой концепции возможна лишь при надлежащем судебном контроле, включающем:

- проверку законности основания применения меры;
- оценку достаточности и достоверности представленных доказательств;
- анализ возможности достижения процессуальной цели менее ограничительными средствами;
- установление разумных сроков действия меры и обязательное их продление только при наличии новых оснований.

Таким образом, гарантийная функция суда становится ключевым инструментом «одомашнивания» принуждения в правовом государстве.

Н.В. Кривощёков, обращаясь к проблеме сущности уголовно-процессуального принуждения, справедливо указывает, что в доктрине сохраняется конкуренция подходов: от понимания принуждения как исключительно «силового» компонента процесса до трактовки его как юридического средства управления процессуальным риском и обеспечения эффективного правосудия [12].

Видится продуктивным подход, согласно которому уголовно-процессуальное принуждение понимается одновременно как:

– состояние правового регулирования, при котором допускается ограничение прав личности при наличии строго определённых условий и процедур;

– динамика властной деятельности, связанной с выбором, применением и прекращением конкретных мер;

– система правовых отношений, возникающих между государством и участниками процесса в связи с применением мер.

Такое трёхуровневое понимание позволяет лучше описывать границы принуждения, отличая его, с одной стороны, от убеждения и поощрения, а с другой — от незаконного насилия и произвола.

Хотя анализируемые авторами работы преимущественно сосредоточены на традиционных мерах (задержание, меры пресечения, иные меры), из их выводов следует, что развитие технологий и цифровизация уголовного процесса неизбежно приведут к трансформации практики принуждения. Уже сейчас обсуждаются вопросы удалённого участия обвиняемого в процессуальных действиях, контроля за исполнением процессуальных обязанностей с использованием технических средств, электронного документооборота в сфере уведомлений и вызова участников.

На основе вышенаписанного, можно сформулировать ряд направлений дальнейшего развития института мер уголовно-процессуального принуждения:

Кодификация общей части регулирования мер принуждения. Представляется целесообразным объединить в УПК РФ общие нормы, регулирующие все меры принуждения: критерии выбора меры, требования к мотивировке решений, общие правила исчисления сроков, порядок пересмотра и отмены мер, последствия их незаконного применения. Такой «общей части» принуждения пока не существует, что вынуждает доктрину реконструировать её из разрозненных норм.

Уточнение целей и оснований отдельных мер. Следует конкретизировать цели ряда иных мер (например, денежного взыскания, обязательства о явке) и привести их в соответствие с общими задачами уголовного судопроизводства. Это позволит судам более последовательно применять тест соразмерности.

Дифференциация гарантий по группам мер. В логике подхода, предложенного Е.В. Манджиевой, каждую группу мер, выделенную по объекту обеспечения, целесообразно снабдить «пакетом» специальных гарантий: для мер, обеспечивающих личную явку, —

усиленный судебный контроль и предельные сроки, для имущественных – механизмы оперативной компенсации, для дисциплинарных – чёткие критерии оценки поведения [5-7].

Расширение прямого судебного контроля за иными мерами. С учётом выводов О.Н. Шекшуевой и Т.Б. Гараевой об уязвимости иных мер принуждения необходимо законодательно расширить перечень ситуаций, когда их применение возможно только по судебному решению или при обязательном последующем утверждении судом [7], [8].

Развитие правовых механизмов реабилитации и компенсации вреда. Эффективность гарантий принуждения в значительной степени зависит от реальности восстановления прав лица в случае признания меры незаконной или необоснованной. Требуется дальнейшая детализация механизмов компенсации вреда, причинённого незаконным применением как жёстких, так и «мягких» мер принуждения.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, уголовно-процессуальное принуждение следует рассматривать как самостоятельный, многоуровневый институт уголовного процесса, включающий в себя:

- систему норм УПК РФ, закрепляющих меры принуждения и общие принципы их применения;
- совокупность властных решений и действий компетентных органов;
- комплекс возникающих при этом правоотношений между государством и участниками процесса.

Во-вторых, развитие мер принуждения в российском уголовном процессе демонстрирует устойчивую тенденцию от узкого, преимущественно карательного понимания к более сложной, «функциональной» модели, в которой меры принуждения используются как инструмент управления процессуальным риском и обеспечения справедливого правосудия.

В-третьих, теоретический анализ показывает, что законодательная модель трёх групп мер (задержание, меры пресечения, иные меры) нуждается в доктринальном «надстроечном» уровне — классификации по характеру защищаемого процессуального интереса и степени вмешательства в сферу прав личности. Такая классификация позволяет выстроить более согласованный набор гарантий и приблизить практику применения мер к конституционному стандарту соразмерности.

В-четвёртых, несмотря на значительный прогресс в регулировании мер принуждения, сохраняются серьёзные проблемы: фрагментарность судебного контроля за иными мерами, недостаточная конкретизация их целей, отсутствие единой общей части регулирования

принуждения. Их решение требует не только точечных поправок в УПК РФ, но и системного переосмысления места принуждения в структуре уголовного процесса.

Наконец, в-пятых, дальнейшее развитие института мер принуждения неизбежно будет происходить в условиях цифровизации и трансформации процессуальной формы. В этих условиях особое значение приобретает выработка устойчивых теоретико-правовых критериев допустимости и пределов принуждения, что делает актуальными и востребованными доктринальные разработки.

Список литературы

1. Оторочкин С.Н. Понятие и содержание мер процессуального принуждения в российском уголовном процессе // Форум молодых ученых. 2016. № 3(3). С. 192-195.
2. Теппеев А.А. Понятие мер уголовно-процессуального принуждения и их виды // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 235-238.
3. Теппеев А.А. Меры уголовно-процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 179-180.
4. Манджиева Е.В. Этапы становления и развития иных мер процессуального принуждения в России // Академическая мысль. 2018. № 4(5). С. 117-119.
5. Манджиева Е.В. Классификация мер принуждения: от «смешанного» критерия к связи с объектом обеспечения // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 3(112). С. 154-165.
6. Химичева О.В., Бондаренко И.П. Разнообразие мер процессуального принуждения и характера гарантий прав, свобод и законных интересов обвиняемого при их применении // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 118-122.
7. Шекшуева О.Н. Некоторые проблемы института иных мер процессуального принуждения // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19. № 4. С. 41-55.
8. Гараева Т.Б. Актуальные проблемы применения иных мер уголовно-процессуального принуждения // Научный портал МВД России. 2023. № 2(62). С. 64-69.
9. Киселева Д.Е. Историко-правовые аспекты становления и развития института принуждения в уголовном процессуальном праве России // StudNet. 2022. Т. 5. № 8. EDN NAUDVH.
10. Азаров В.А. Феномен уголовно-процессуального принуждения: полемические заметки // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 1(43). С. 15-26.

11. Димитрова В.В. Меры процессуального принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве России // StudNet. 2021. Т. 4. № 5. EDN FFXUZX.
12. Кривошеков Н.В. О сущности уголовно-процессуального принуждения Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4(66). С. 66-76.

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE DEVELOPMENT OF COERCIVE MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Gasanova Zamira Gadzhimuradovna

Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation

Giraev Magomed Akhmedovich

Master's Student,
Law Institute,
Dagestan State University,
Makhachkala, Russian Federation;
Independent Researcher

Abstract. The article analyzes the theoretical and legal grounds for the development of measures of criminal procedural coercion in Russia. The article substantiates the need to consider criminal procedural coercion as an integral legal institution, including a system of heterogeneous but interrelated measures aimed at ensuring public tasks of criminal proceedings while maintaining a high level of guarantees of individual rights. The article examines the controversial issues of the concept, content and system of coercive measures, the ratio of preventive measures and «other measures» of procedural coercion, as well as their place in the mechanism of ensuring the principles of publicity, justice, competitiveness and respect for human dignity. Based on a comparative analysis of the approaches of legal scholars, the author's concept of a three-level model of criminal procedural coercion (level of principles, system of measures, individual act of coercion) is proposed, the classification of measures by the nature of the protected procedural interest is clarified, and directions for further improvement of legal regulation are formulated. The conclusion is drawn about the trend of «conditioned humanization» of criminal procedural coercion, when the expansion of the palette of measures is combined with the complication of the mechanism of their judicial control and the strengthening of standards for justifying interference in the sphere of individual rights.

Key words: criminal procedural coercion, measures of procedural coercion, other measures of coercion, preventive measures, publicity of criminal proceedings, individual rights, judicial control, system of coercive measures.

References

1. Otorochkin S.N. The concept and content of measures of procedural coercion in the Russian criminal process // Forum of Young Scientists. 2016. № 3(3). P. 192-195.
2. Тепеев А.А. The concept of measures of criminal procedural coercion and their types // Gaps in Russian legislation. 2020. Vol. 13. № 4. P. 235-238.
3. Тепеев А.А. Measures of criminal procedural coercion // Gaps in Russian legislation. 2019. № 3. P. 179-180.

4. Mandzhieva E.V. Stages of formation and development of other measures of procedural coercion in Russia // *Academic thought*. 2018. № 4(5). P. 117-119.
5. Mandzhieva E.V. Classification of coercive measures: from the «mixed» criterion to the connection with the object of security. // *Actual problems of Russian law*. 2020. Vol. 15. № 3(112). P. 154-165.
6. Khimicheva O.V., Bondarenko I.P. The variety of measures of procedural coercion and the nature of guarantees of the rights, freedoms and legitimate interests of the accused in their application // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. № 8. P. 118-122.
7. Shekshueva O.N. Some problems of the institute of other measures of procedural coercion // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2019. Vol. 19. № 4. P. 41-55.
8. Garayeva T.B. Actual problems of applying other measures of criminal procedural coercion // *The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. № 2(62). P. 64-69.
9. Kiseleva D.E. Historical and legal aspects of the formation and development of the institution of coercion in the criminal procedural law of Russia // *StudNet*. 2022. Vol. 5. № 8. EDN HAUDVH.
10. Azarov V.A. The phenomenon of criminal procedural coercion: polemical notes // *Siberian criminal procedural and criminalistic readings*. 2024. № 1(43). P. 15-26.
11. Dimitrova V.V. Measures of procedural coercion in the criminal procedure legislation of Russia // *StudNet*. 2021. Vol. 4. № 5. EDN FFXUZX.
12. Krivoshekchikov N.V. On the essence of criminal procedural coercion, Legal science and law enforcement practice. 2023. № 4(66). P. 66-76.